«Городской бульвар на высоком берегу Волги... Направо — вход в кофейную, налево — деревня... В глубине — чугунная решетка, за ней — вход на Волгу, на большое пространство: леса, села и прочее...»

Так скуповато, но зримо начал Александр Островский свою знаменитую волжскую трагедию «Бесприданница». Это фоновая ремарка для постановщика, декоратора и любознательного читателя... Были у пьес и читатели, не одни зрители...

Люди литературные считают «Бесприданницу» литературным шедевром. Словесная «отделка» ее в самом деле удивительна даже среди других его драматургических творений!

Потрудиться пришлось уже и над именем города, где разворачивается действие.

«Кинешмой» открыто называть — неудобно... Быть может, «Решмой»: близости есть городок такой — тоже на Волге... Мелковат, правда, для большой драмы. «Ряшма»? «Ряхимов»? Ну, пусть будет «Бряхимов»...

Не жалко трудов, умственных затрат на эту пьесу — сорочковую, им создаваемую... Он даже на заглавной странице помечил: «Ор. 40», как было в обычае у композиторов — «опус» (труд) 40-й!! А множественное число от «опус» — «опера»... Что ж, может быть, и «Бесприданницей» соблазнится на «оперу» какой композитор?

Нет, так надо написать, чтоб не решился никакой композитор соревноваться с автором текста... Это должна быть «сама музыка», без перевода на ноты, это должна быть поэма в прозе, вполне достойная трагедий Шекспира и Эсхила!

Сколько раз сживал Александр Николаевич на том высоком бульваре, над Волгой, каким так горда была Кинешма! Сколько раз впивался взглядом в широченный заволжский простор, где тамлось в окружении лесов давно уже ставшее родным Щельково...

Много драм угадывалось в этой зеленой гушине, в зеленом океане этом, простирающемся до Урала, до Сибири!! Он уже извлек из этой зеленой кроковичницы такие «изумруды», как «Лес», «На бойком месте», «Снегурочка»... «Бесприданница», должна быть не хуже, пусть в ином роде.

— Во всяком случае она должна быть не хуже «Леса», который пока что считал он большой своей удачей, едва не главной...

Он не удержался от соблазна ввести в новую эту пьесу лицо, особенно полюбившиеся театрам, и актерам, и зри-

тельной великой реки в ее динамике, в движении барж, буксиров, пароходов. Только изда-лека доносящееся пение бурлаков могло напоминать зрительному залу об этой постоянной, неустанной и неутомимой жизни... Но и этого было достаточно, чтобы зал

достигавшее такой силы — бурление страсти...

— Она и прежде-то чуть не умерла от горя, когда он уезжал... — посягает Вожеватов. — Бросилась тогда за ним, догонять — уж мать со второй станции воротила... (Еще одно доказательство — ни в ка-

живает Паратов. — Ну скажите, будьте откровенны...», — с циничным бесстыдством настаивает он.

И Лариса «вне себя» от радости... и простоты, задыхаясь, отвечает:

— Ах... конечно, да... Нечего и спрашивать.

Паратов же, только лишь отойдя от нее, признается Кнурову: «Я женюсь на очень богатой, получаю в приданое золотые приски...»

Мало того, он еще имеет наглость похвастаться перед Ларисой большим обручальным кольцом, уже надевшим на палец: «Вот чем я скован, увы...»

Карандышев, уже неопровержимо явственно видя полный крах своих мечтаний, видя, что даже и брак с Ларисой не приносит ему счастья или покоя, хотя бы — во власти целого вихря чувств — обиды, ревности, гнева, больше того, ярости обманутого жениха, убивает Ларису выстрелом пистолета, одного из тех, какими собирался украсить свое неприятельское брачное жилище.

А Лариса... благодарит его за это. Больше того, у нее хватает даже благородства принять вину на себя. Она кричит вошедшим, уверяет: «Я сама это сделала... Сама! Сама! Сама!»

Таков эффектный и естественный финал трагедии: романтический реализм.

Волга блистательно играет свою роль важного действующего лица в этой драме.

В минуты примирения Лариса любит и восхищается ее, Волги, спокойствием, тишиной, красотой.

В часы буйной тревоги, мятежного шторма чувств она же, Лариса, ищет в Волге как бы поддержки, сочувствия, понимания...

В миг катастрофы, трагического конца своего она, бедняжка-бесприданница, повинная лишь в подчинении своему сердцу, радуется, что ей не пришлось топить в милой Волге свое несчастье...

А негодяй Сергей Паратов с невольной, вряд ли «благодарной» помощью все той же могучей, широкой и бесстрашной, как вся природа реки, ускользает от заслуженного им возмездия...

Трагический круг завершен... Островский приблизился к Достоевскому — подал ему руку для дружеского, творческого рукопожатия.

ВОЛЖСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Из книги об А. Н. Островском

телям, по пьесе «Лес», Аркадия Счастливцева — под именем «Робинзон»... Тут был некоторый риск — ввести в высокую драму комедийную личность, притом уже сильно запомнившуюся публике...

Однако он не устоял перед искушением: «Аркашка Счастливцев» продалжил свою сценическую жизнь под шуточным прозвищем «Робинзон».

В основном все дышало в этой вещи тяжелой романтической трагедией... И ревнивая, жадно неуверенная любовь Карандышева, знающего, что он лишь «из милости», «на худой конец» может рассчитывать на руку Ларисы. И по-купечки зазнайская («все куплю — скажало золото») амбиция Кнурова, и бесшабашно-разбойничьи наскоки Паратова, и осторожное «обволакивание» Вожеватова...

А Эсмеральда волжского края, «изумруд», «взрачный» зеленой Кинешмой, — бедняжка Лариса «бесприданница», «товар» тех времен оказывается в середине этого клубка страстей, разобраться в которых, пожалуй, не по силам было бы и леди Макбет, не говоря уже об Офелии — героинях шекспировских...

Уже с первого появления своего Лариса отмечена трагедийным роком!...

Ни в какой другой пьесе Островского, даже в «Сне на Волге» — «Воюводе», — Волга не была таким прямым и мощным действующим «лицом», как в «Бесприданнице». Запев, тон этому создавала уже декорация первого акта, где за массивной чугунной решеткой, особенного рисунка, размашисто лежал восточный, заволжский простор: леса и села, как охарактеризовал его автор.

На сцене тех времен трудно было, конечно, показать жизнь

поверил и встрепенулся при возгласе Василия Вожеватова: — Вот она, «Ласточка-то» идет!...

В этот момент и начинается огромная трагедия «Бесприданница»... Волга приносит на «Ласточке» трагедию. Для Ларисы Огудаловой появление «Ласточки», парохода, принадлежащего ее первой и страстной любви — бездушному себьялобу и кутиле Сергею Паратову в момент, когда она готовится к браку с нелюбимым, «мелкоплавающим», но честным Карандышевым, уже и само по себе трагично!

Казалось бы, прошлое предано забвению, невозвратно, бесповоротно! Карандышев уже считает себя обладателем волжской Эсмеральды; уже готовит, обставляет свою квартиру, чтобы ввести молодую жену в ее стены. Ему нет дела, что богатенькие «кавалеры» — Кнуров, Вожеватов, другие — потешаются над его потугами создать хотя бы видимость будущего семейного благополучия: ковер на стену, кинжалы и пистолеты на нем... подобие вьезда: с еле живой клячей в орлоблях...

Он, Карандышев, в упоении, в мечтах о близком счастье!

Но... «Ласточка» привозит то воплощение Рока, суда судьбы, какой был непрелымным и главным компонентом эсхилевских трагедий!

На кинешемский, тобишь, «бряхимовский» берег сходит с этого бойкого пародика сорви-голова, игрок и мот Сергей Паратов, продавший этот пароходик Василию Вожеватову...

Трагедия нарастает! Неизбежная встреча Паратова и Ларисы воскрешает в них обоих — в первом ненадолго, мимолетно, «спортивно» — былое влечение к бряхимовской «бесприданнице», а в ней еще не

ком из городов Верхневолжья, кроме Кинешмы, железной дороги тогда не было!).

Вожеватов, рассказывая это Кнурову, пытается «оправдать» Ларису: «Да ведь она — простовата... Вдруг, ни с того, ни с сего, да и скажет, что не надо...»

Кнуров хочет большей точности. — То есть — правду? — переспрашивает он.

Вожеватов подтверждает: «Да, правду... А бесприданницам так нельзя... К кому расположена — нисколько этого не скрывать... Когда Паратов прошлый год появился — нагрядеть на него не могла, а он месяца два поездил, женихов всех отгвадил, отбил, да и след его пропал... Исчез неизвестно куда...»

Как же было бедной Ларисе не воспылать к вернувшемуся через год Сергею Паратову новой, еще более бурной страстью?

В разговоре с Васей Вожеватовым, давним знакомым, она вспоминает, как Паратов стрелял по монете, которую она держала. «Разве можно в нем быть неуверенной?..» «Разве можно его не послушать?..»

Сейчас самоуверенный ловец и вертопрах Сергей Паратов привозит с собой «собственного» шута горохового — в лице «Робинзона» — он же Аркадий Счастливцев, уже виденный Россией в «Лесе». Самовлюбленные прохвосты нередко держат при себе «для контраста» явных неоспоримых дурачков, к каким хочет принадлежать и «Робинзон»...

Лариса совершенно теряет голову и даже остатки душевного равновесия.

Об этом ярко говорит ее диалог с Паратовым при свидании: «Так вы не забыли меня, вы еще меня любите? — как ни в чем не бывало спра-

СЕВЕРНАЯ ПРАВДА г. Кострома 178 ЯНВ 1974